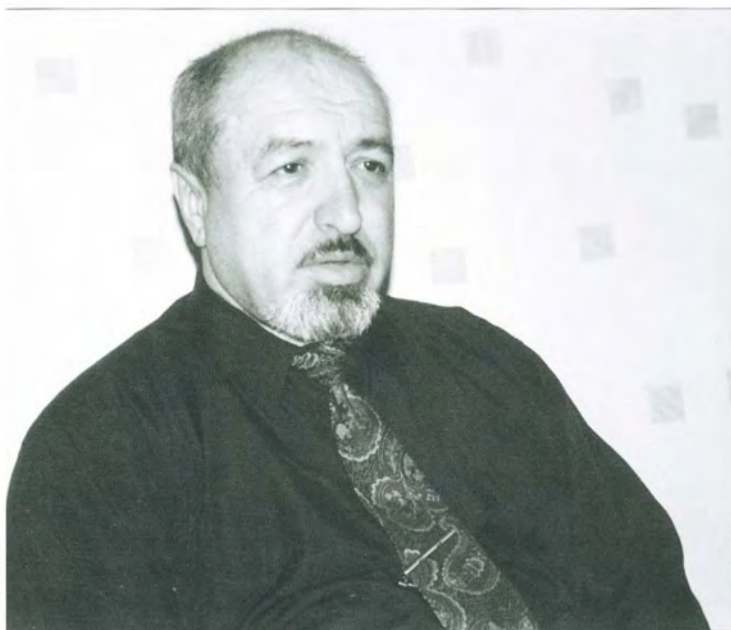

*Георгий
ЕШИМОВ*

ОБИТЕЛЬ ДУШИ

Георгий ЕШИМОВ

ОБИТЕЛЬ ДУШИ

*Избранные
стихотворения*

Б/и
МУН ОБС
С. 100 кр.

9000439935

НАЯ
Я
КА

Москва
2006

ББК 84 Р7 (Рос.-Рус.)
УДК 882
Е-91

***Георгий ЕШИМОВ. ОБИТЕЛЬ ДУШИ. Избранные
стихотворения. М., «Московский Парнас», 2006,
стр. 128.***

ISBN 5-7330-05-39-5

© Ешимов Г.К.

Из цикла «ПРОЛОГ»

ОТКРЫТИЕ

*Пожертвуйте позой надменной:
Закладку рукой теребя,
По листику в день, постепенно
Откройте меня для себя.*

*И пусть от ошибки хранит вас
Мелодий услышанных дух...
Откройте мой пыл и ранимость,
И к вам я — влюбленный — приду*

*По ветхозаветной дороге,
Потертою лирой звеня,
И стану на вашем пороге —
Откройте себя для меня.*

Из цикла «РОДИНА»

ИПОСТАСИ

За бывшим Николаевским налево
Брусчаткой смят Васильевский простор,
Трамвайная спокойна королева,
Вагончик желтый мчит во весь опор.

Вот памятник Ивану Крузенштерну —
Задумчив, просто так не подходи,
Предмостье, как сражения арену,
Обозревает, руки на груди.

У парапета ялы и баркасы
Тоскуют без отважных моряков,
А будущие адмиралы-асы
Штудируют названья маяков.

Вот барк четырехмáчтовый, и ванты
От бриза прибалтийского гудят.
Укутавши бушлатами, курсанты
Целуют очарованных девчат.

На полубаке имя Крузенштерна —
Известность на моря и на века,
А паруса, раздутые манерно,
Белее, чем на небе облака.

А дальше аттик — ряд колонн научных —
Кадетский бывший — Горный институт...
Земные и морские неразлучны
Две ипостаси-рельсы — мой маршрут.

ИРТЫШ

Он мать мою привез
в буранный Павлодар,
И ковшик, полный звезд,
беременной подал:

«Иртышская вода,
и кто ее попьет,
Тот больше никуда
отсюда не уйдет.»

А ночью тьма в огни
надежд — НКВД.
Но выжили одни
на хлебе и воде,

Обойдены сумой —
судьбою бедолаг...
Отец погиб зимой —
безжалостен Гулаг.

А мать все там живет,
потомками дыша, —
Вспоила плоть ее
вода из Иртыша.

Седой угрюмый Павлодар —
Обитель песенных поэтов
Качает быстрая вода
В лучах безоблачных рассвета.

Затон — «гусиный перелет»:
Со шлепаньем о воду частым
Через Иртыш вразмах плывет
Подлесток, беленький, вихрастый.

Под берегом — доплыл — встает,
Блестящий, тонкий, остроносый,
А вдоль по речке — пароход —
И волны плещутся в откосы.

Мальчишка по тропинке вверх
Стрекнул босой — трусы трепещут.
До шанег — утренних утех
Сто метров — только пятки блещут.

А мать с улыбкой: «Погоди,
Минутку посиди, Павлуша...»
Сложила руки на груди —
Притворно горе — непослушен.

А он за шаньгу — и во двор
Под колокольный звон церковный.
Да и застыл там до сих пор,
Запыхавшийся, удивленный.

Чисты протоки Иртыша,
Сверкают парохода плицы,
Тоскует юная душа
Во мраке запертой светлицы.

БРАТЬЯ

В Ровно — средний,
Младший — в Павлодаре,
Старшему — приобские края...
Разметала удаль молодая,
Разлетелась дружная семья.

В майский праздник
Не грусти, тальянка,
И про одиночество не пой,
Собирала мать их — полтавчанка
На пирог на именинный свой.

Прилетали соколы напиться —
Веселились песнями уста...
Вдруг, откуда ни возьмись, границы,
Визы, разрешенья, паспорта...

Отменили чартерные рейсы,
На таможнях — «шмон» по два часа...
Не гудят заржавленные рельсы,
Не звенят внучаток голоса.

Не дожди, не грозовую тучу,
Не бутылку зелена вина,
Проклиная Ельцина и Кучму,
Плачет мать в Чернигове.
Одна.

1998 г.

НОСТАЛЬГИЯ

Ах, уж этот Питер
 с жигулёвским пивом,
Русская Бавария
 через каждый дом,
Возле входа в Горный —
 греческое диво:
Прозерпину в воду
 тащит Посейдон.

Помнишь общежитие
 в розовом берете?
На Наличной улице
 угол-гастроном?
Ты тогда мечтала
 о другой планете,
Я с тобою еле- еле
 был знаком.

Помнишь турпоходы
 в Саблино, в пещеры:
Жесткая штормовка,
 нежная рука?
Со сгущенкой сладкой
 чай казался серым,
Мрачные врывали
 в душу облака.

Отложи вязанье,
 милая, скорее,
Запахом варенья
 юность оживёт...

Помнишь, я дежурил
в звездной галерее —
Ты тогда «по партии»
не сдала зачет?

Шпиль Адмиралтейства
и колонны-ростры...
Проводили праздники —
сладко вспоминать.

Утонул навеки
в нас Васильев остров,
И Невы под солнцем
голубая прядь.

Грянул распоследний
факультетский литер:
Разлетелись птицы
по стране — лови!
Ах, уж этот Питер,
прибалтийский Питер, —
Юности подарок,
колыбель любви.

ПОЛЕ

Там Сорочинские ярмарки,
Там и Миргород с Диканькою,
И большой войною трачены
Малорусские гаи.
Гляньте, Николай Васильевич!
Не сюда ли прибегали вы
С бурсаками полупьяными
На кулачные бои?

Помнит поле затаенное
Запорожцев, шведов, гетмана...
И английские «Ланкастеры»
Приземлялись тут не раз,
Да с детьми из семинарии,
Из Софии — эх, пресветлая!,
Проезжал дымящий трубкою
Гетман куренной — Тарас.

Разленивая протащится
Кляча, слепнями помечена,
И уткнется, глухо фыркая,
В разнотравное жнивье:
Огорожено «колючкою»,
Рвом по краю изувечено,
Со скирдой соломы темною
Поле чистое мое.

ПРИБАЛТИЙСКИЙ ЛЕС

Лес под хутором Лиелпетери
Знатен соснами корабельными,
Их вершины шуршат в безветрие,
Навевающее колыбельные.

С ним девчоночка зеленоглазая,
Быстроногая, диковая
Корневищами перевязана —
Неуемному лесу просватана.

Уезжала вся в росах утренних,
Приезжала с оравой маленьких,
Оживали тогда на хуторе
Все тропинки цветочком аленьким...

И звенели хрустально чистые,
Глухомани той непривычные:
Что поглуше, сильней, — мальчишечьи,
Что позвонче, слабее, — девичьи.

Подросли, и они разъехались,
Увели их дороги разные,
Позабылся родимый эхами,
Затаился, забытый праздником.
Но купальским ведовским вечером
Тянет ветви, тоскою заломлены —
Лес под хутором Лиелпетери
Созывает своих паломников.

ДОЖИНКИ

Вези, председатель, бочонок вина,
Закуску на чистой холстинке,
На поле отметит с тобою страна
Уборочной финиш — Дожинки.

Мы выпьем, споем, почитаем стихи,
Отпляшут задорно Павлинки,
И нам допоят на селе петухи
Пернатого счастья дожинки.

От прежних забот не ищите следа.
Отцы! До детей и до жинки!
Так было у дедов,
Так будет всегда:
Семейная радость — Дожинки.

И в Несвиже вновь песнярам подпоют
Сябры из далекой глубинки,
И я воспою белорусский уют
И осени свято* — Дожинки.

* Свято — (бел.) праздник.

ЖЕМАЙТЕНЕ

Капельки янтаря
С пеной морской рыбачка,
Золотом глаз сияя,
В тонкой руке поднесла.
Солнечными лучами
Вспыхнули Юратэ слезы —
Нежной влюбленной русалки —
Каменная смола.

Я на шею повесил
Камушки, словно бусы,
Оберегом Ярилы*,
Негасимым огнем...
И полюбил навеки
Землю славянских пруссов,
Их дочерей светлокосых
С колдовским янтарем.

* Ярило — языческий Бог Солнца славян.

ТАЛЛИНН

В тихом парке Кадриорге
Собираются русалки,
Голосов игривый шелест
Обаятелен и чист.
Им, над волнами взметаясь,
Плача, подпевают чайки.
Дирижером хору служит
Старый Томас — трубочист.

Знаешь, Вайке, в Старый город
За тобой и я летаю:
Мимо ратуши высокой,
Над коньками красных крыш...
Рядом с Томасом со шпиля
Я стихи тебе читаю,
Но горька твоя улыбка,
Ты — печальная — молчишь.

ВЗДЫБЛЕННАЯ СТРАНА

Не зря кричали:
— Подменённый царь! —
Как брат Иван,
послушен был Петруша.
В Голландии далекой
государь
вдруг перестал
быть отроком-копушей.

Какой посконный
истинный русак
Содом ввезет в отчизну
и Гоморру,
и бороды бояр
с размаху «хряк!» —
почнет рубить
без лишних разговоров?

Единственного сына
задушить
какой отец
свою подымет руку?
Колокола
святых церквей крушить,
и душу черту
запродать на муку?

Гатить болота —
кости христиан —
удобная ли
русскому забота?!
И на костры взирать

никониан —
не царская,
замечу вам, работа.

Вы всё твердите —
поднял на дыбы
и окна прорубил —
во глянь — Пальмира...
Но стоило ли это
той борьбы
и многих жертв?
И так полмира
с восторгом палились
на миноносных нас,
под колокольный звон
вперед идущих...
И даже буровых
на нефть и газ
хватило б всем
до Беловежской пущи.

А он любил её,
Россию,
как супруг,
как иноземцы
любят россиянок...
Хоть Гименя
шелковых подпруг
не терпит наш мужик,
взъярившись спьяну.

И управлялась
Русская страна
чредой помазанников

г. Сургут МУК ЦЭС	ЦЕНТРАЛЬНАЯ ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
-------------------------	--------------------------------------

иностранных,
и счастлива была
и влюблена,
в тиши аллей
вздыхая постоянно.

Но, свергнув
ту династию царей
и Вельзевулов
допустив до трона,
создала тысячи
своих концлагерей,
агонизируя по-старчески
нескромно.

И реки — вспять,
дороги — в никуда,
и трактора
на всякую потребу...
и двигала
валы турбин вода,
и кукуруза добавлялась
к хлебу.

Сверхновой рассыпалась
страна,
когда князья безмозглые
добрались
до тех высот
Петровского вина,
которым
в ассамблеях
упивались

Ромодановский,
Зотов и Лефорт —
шуты из всепьянейшего Собора...
Как девку повалив,
не сняв ботфорт,
той властью
насладились
под забором.
Другие приходили...
Их убив,
те снова власть
имели и имели.
как будто в том
единственный мотив
жизнеспособности
их дел на самом деле...

Когда масонской
ложей творена
гляди,
поднимется
тщедушная персона,
вновь на дыбы
великая страна
взметнется ввысь
перед российским троном!

Как в цирке,
звонко щелкнет шамберьер,
удила закусив,
опять помчится,
по кругу мать-Россия,
но барьер любой осилит
сказочную птицей!

Из цикла «ПРОЛИВЫ»

ПРОЛИВЫ

Прощайте, шхеры серой Балтики,
Простор Атлантики, встречай!
Мы развязали свои «бантики» —
И ленты выются по плечам.

А справа Швеция туманная,
А там — Норвегия вдали.
Волна свинцовая обманная
По скулам лупит корабли.

Эскадра движется российская,
Сигнальный светится наряд,
И мгла расходится росистая
Сквозь Каттегат на Скагеррак.

Меня изгибы каждой гавани
Влекут причалить, и — пешком...
Здесь мои прадеды проплавали,
Здесь крест Андреевский знаком.

Пореже, рында, нам названивай,
Мигай на выступе, маяк!
Как я люблю эти названия:
И Каттегат, и Скагеррак!

По ним из лужи из Маркизовой
На океанский шли простор,
Влекомы ласковыми бризами
«Аскольд», «Аврора», «Святогор».

Сиял двуглавною отмеченный
Орел, как рыцарь на пиру...
И я, с Прибалтикой обвенчанный,
Проливы в шаферы беру...

КРУИЗ

Правит Британия в дальних морях,
Спи, королева!
Светится тропиков южных заря —
Юная дева.

Режут форштевни волну за волной
Страстью небыстрой,
Средиземноморье легло за кормой,
Здравствуй, Индийский!..

Сколько проливов уже позади,
Красное море...
Яркие блики на черной груди —
Африки зори.

Взгляд, увлекающий синим огнем,
Нежен и жаден,
Крупной жемчужиной светится в нем
Ласковый Аден.

Канули звезды в залив. Тишина...
Пой и блаженствуй...
На борт влюбленный плеснула волна:
«Баб-эль-Мандебский...»

МОРЕ

Серые скалы — рай для влюбленных,
Белые чайки в бессменном дозоре,
Смотрит кустарник вечнозеленый
На вечно синее Черное море.

В тонкую роспись прибрежных утесов
Плачет волна, разбиваясь о скалы,
И заплетаются в темные косы
Кудри о чем-то поющих русалок.

Искрами брызжут влюбленные очи,
В теплой воде растворяются души,
Берегу море ворчливо рокошет:
Любишь — послуш-шай,
Любишь — послуш-шай!

ГОРЬКИЕ ИТОГИ

Мы любимых топили своих,
На курганы орудия тропами
Вознесли и лишь с помощью их
Отстояли врата Севастополя.

Но достались те пушки врагу
Контрибуции тяжкою ношею,
И венки на морском берегу —
Это память о доблести прошлого.

До сих пор на дне бухты гниют
Корабли нашей горькой истории,
До сих из орудий тех льют
Ордена королевы Виктории...

КОРТИК

Его мужскую красоту
Ни затупить, ни опровергнуть...
Стучал эфесом по щиту,
Чтоб поддержать или отвергнуть.

Блестел клинком — победный миг...
Зачем красавцу полумеры,
Когда он истину постиг?..
Его несли легионеры

Пехотных римлянских когорт —
Преторианцы боевые,
Как восклицание...
Он горд —
Сияют обоюдозлые
Две грани лезвия его —
Наследье деда моего.

ПОХОДНЫЙ БАРАБАН

Балтийские ветра
Задули свечи рано,
Обрушив на асфальт ширококлёший марш —
Под арку выходных,
Под рокот барабана
По Гаванской идёт Гвардейский экипаж.

Походный барабан
Матросский шаг ровняет,
И души их светлы,
И форменки чисты.
И над колонной Марс
Уверенный летает,
И Чесменский орёл сияет с высоты.

Идут за рядом ряд,
Задумчивы их лица,
И кровь под эту дробь
Вскипает, как вино.
И стелет барабан
Ковры Аустерлица,
И, параллельно им, —
Ковры Бородино.

А я гляжу вослед:
Иду в дыму сраженья
В отчаянном каре
На вражеский редут...
Уходит барабан...
Навеки неужели?
С фанфарами побед
Я новой встречи жду.

РУССКИЕ КОЛУМБЫ

Русские Колумбы, что вам век отмерил?
Смуту да лишенья, да концлагеря...
Миражом далеким помаячил берег —
Приросла на север Русская земля.

Удержать ее вы в рамках человеческих
(Боже, где взять силы?), так и не смогли.
Царский строй не вечен,
Рабский строй не вечен,
Но во льды вмерзают ваши корабли.

Выглядят на картах земли кренделями —
На Охотском море — теплые места.
Русские Колумбы — вице-королями
Вами же открытых островов не стать.

ПОСЛЕДНЯЯ ГИБЕЛЬ «ВАРЯГА»

*«В 2001г. Украина продала в Гонконг
ракетный крейсер «Варяг».*

«Комсомольская правда»

Древние века. Одни варяги
Плавали свободно в чужд и фряги,
И по рекам в греки синь-волной.
В Киеве уверенно осели.
Ведомо потомкам и доселе —
Управляли русской стороной.

С той поры защитника России —
Крейсер, быстроходный и красивый,
Окрестили пламенно — «Варяг».
Корабли просторы бороздили,
И на стенах гордо проносили
В дальние края российский флаг.

Двадцать первый век волной несется,
У Чемульпо снова крейсер бьется
С грозной иностранною ордой,
Тонет наш «Варяг», но не сдается,
Знает, его гибель обернется
Новою российскою бедой.

В Желтом или в Белом, иль в Охотском,
Послужить геройски не придется, —
Узкоглаз и злобен капитан...
Слушайте: звенят уж не медали —
За гроши защитника продали,
Чтоб Иудин «залатать» карман.

Из цикла «БЕЛАЯ ОРДА»

ПАВЛОДАР

Он немного успел,
 тот чухонец курносый с косицей,
Император российский
 и страстный в душе янычар,
Но указом его
 казаков прииртышских станицу
Нарекли городком...
 и встречает гостей — Павлодар!

Оседлавший простор
 за мелькнувшую,
 в общем треть века,
И дома и дворцы,
 и деревья в садах подросли.
Но распахана степь,
 как нагайкой спина человека,
И заводы дымят,
 как эскадры большой корабли.

В нём всё больше примет
 от восточного давнего мира...
Лучше жил бы в России,
 как в роте послушный солдат...
Но мне спать не даёт
 его старых цехов аритмия:
Павлодар,
 Павлодар,
 Павлодар,
 Павлодар...

АКМОЛИНСК

Вспомни конный отряд,
И разъездов кружение —
по холмам...

Белых мазанок ряд,
Крепостное служенье —
по домам...

Вспомни щебет листвы
Молодых и плодовых —
у плетня...

Комсомольцы пришли
На распаханый ворох —
целина...

Я туда не вернусь,
Где дорога просела —
залегла...

Только белая грусть
Над могилою белой —
Акмола...

Пыль Востока бетон
И асфальт замечает —
чья вина?

Русским городом он
Никогда уж не станет —
Астана*...

* Акмолинск-Целиноград-Акмола-Астана (каз. — столица) — названия бывшей русской крепости Акмолинской на границе России с Великой степью.

ЭКИБАСТУЗ*

Экибастуз — ты город-пролетарий,
Ну, как живешь? Признайся, не таись!
Ты помнишь, пятилетки пролетали?
Светлее становилась наша жизнь.

Потом — «бабах»! Пандоррина открыта
Шкатулка. Беды мчат — не продохнуть.
Экибастуз — две головы галита!
Не мы ведь выбирали этот путь.

Экибастуз — карьерный экскаватор,
Горчит степи звенящий поцелуй...
Для Павлодара ты роднее брата —
Огонь печей больных его раздуй...

Зашелести уверенно ковшами
И выдай гневный уголь «на гора»
На серый быт, изъеденный мышами,
На ложь султана, мишуру двора...

* Экибастуз — (каз.) две головы соли.

АКЫН

Опять в седле,
И ногу — под себя,
Домбру-девчонку
Яростно терзаю
И, пальцами ей нервы теребя,
Ответный жар ее души внимаю.

Она дрожит,
И я кричу за ней:
«О, апырмай! ...»,
Нет слаще этой муки...
Зачем же столько неуютных дней
Мы провели, родимая, в разлуке?

А степь, как небо, так же широка,
И мы на ней — былинки и букашки,
И проплывают мимо облака —
Отары божьей белые барашки.

Мы суетимся: любим и поем,
Верны колодцу, песне и отчизне,
Расплескивая, жадно радость пьем,
Приумножая хаос этой жизни.

* *О, апырмай!* — (каз. идиом.) Ой-е-ей!

ДЖАСЫБАЙ

Баллада

Славен в улусах Кайсацкой Орды Джасыбай
Юртами, шитыми золотом на чужеземный манер,
Всадники рода Аргын, эй, читатель мой, запоминай,
Азии сереброликой блестящий пример.

Но всех дороже и воина сердцу милей
Сына Корпеша красотка-жена Баян-Слу:
Глянет с улыбкой, и токи горячих кровей
Рвутся всю степь наклонить, будто чашу, к седлу.

Только она прозорлива, умна и честна...
Ночью в постели супругу устало твердит:
«Милый, атай третьи сутки, как ястреб, без сна
Всё в мою сторону полозом жадным глядит».

«Ну, успокойся, Баян, — отвечает Корпеш.
Бывши в походах далеких и больше без сна,
Трех удальцов одолел он в кайсацкой «куреш»,
Просто устал. Успокойся, прошу я, жена.»

«Милый, он трогает серьги мои,
и бороною щекочет мне шею, лицо...
Он раздевает меня...
Ну прошу, помоги,
Изнемогаю под лаской того,
Кто казался отцом».

«Спи, это снится тебе, дорогая моя, —
Сонно бормочет в объятьях любимой Корпеш, —
Здесь никого нет, и рядом с тобою лишь я,
Видно, кумыса ты выпила много допрежь».

«Как же мне быть? — вся в смятении решает она, —
Только Аллах всемогущий мне сможет помочь.»
И к небесам полуночным взмолилась жена,
Призрака тестя гоня похотливого прочь.

Грянули молнии, гром отзвучал над землей,
Окаменела с аулом своим Баян-Слу,
И засияла меж гор голубою зарей
Озера гладь, обнимая, как деву, скалу.

Плещет жемчужною чистой слезой Джасыбай,
Ищет в ущельях возлюбленной руку и стан...
Снова гордится аргынами, вот ведь судьба,
Как и другими родами кипчаков, седой Казахстан.

СУЮНЧИ

Злата-серебра не пожалей, —
Одари за хорошую весть!
Тем дороже она, чем скорей
Донесется гонцом...
Эту честь
Никому не уступит кипчак,
Он к тебе с доброй вестью спешит,
По коню пляшет плетка-камча,
Слышишь?
Радостью сердце кипит:
«Суюнчи, суюнчи, суюнчи...»

ПАВЛОДАРСКАЯ МЕЧЕТЬ

Сонет

Шемаханской царицы высокий шатер
Безнадежное небо собою подпер,
И поспорила цветом его бирюза
С небесами, где звезды — любимой глаза.

А над куполом тоненький серпик навис:
То ли вера наверх, то ли месяц на низ.
Минареты, как четверо братьев стоят,
И не страшен высоким любой звездопад.

Это власти восточной полночным удар,
И звено удержать навсегда Павлодар
От стремленья на север привязкой на юг, —
Там кончается холод карающих вьюг.

Но обходит мечеть запоздалый дервиш,
И на Запад сбежала церковная мышь.

Из цикла «ПАМЯТЬ»

ГРЮНВАЛЬД

Отринули распри и прочую грязь:
Ягайло-Ладислав, Кейстутович-князь*...
К чему кривотолки?..
Собрали хоругви славянской земли,
На Грюнвальда поле войска привели...
То помнят потомки!..

Великий магистр построил войска —
Тевтонская сила была высока:
Плюмажи и копыя...
Славяне попроще: и косы, и цеп,
Лошадки, волы и со скарбом прицеп,
Чтоб в поле не мокли...

В походной часовне звучали слова —
Ягайло молился, не плача едва, —
Расстался с полками...
Магистр с мечами двух юных пажей
Послал к нему рысью: «Ведь полдень уже...
На нас или с нами?»

И руку Ладислав высоко поднял
И в битву славянское войско послал
По-рыцарски смело,

* Ягайло-Ладислав-Король Польши (основатель династии Ягеллонов); Кейстутович-Витовт — Великий князь литовский Александр.

На правом был — Витовт, на левом — Гаштольд,
И множество знатных других воевод
За правое дело...

...Помчались в атаку, как стрелы, легки
Под сенью хоругвей лихие полки —
То конница русских.
За ними шагали поляки с литвой
С орлами-крылами над их головой,
Повыше, чем прусских.

И польский король их с холма провожал
И крест за победу латинский держал,
За смелость в атаке...
Но конных наскоки снесли крыжаки,*
Назад покачнулись поляков полки
В неслыханной драке...

Сверкают мечи, и прощально кричат
И кони, и люди, и пушки рычат
Протяжно и глухо...
К обозу прижаты хоругви Литвы,
И бьются они до последней главы,
Хватило бы духа...

«Бежим...» — королю его свита твердит.
Куда тут бежать? — вмиг корона слетит.
А где же наш Витовт?
Он в святцах Руси Александром речён,
Над битвою соколом реет с мечом
И с верною свитой.

* Крыжаки — (бел.) крестоносцы.

Вот видит пруссаки прорвались к холму.
Шлет помощь Ягайле. Ему одному
 Не справиться... Брат ведь...
Угроза отбита. Теперь левый фланг
Свернуть на увязший железный таран
 И, как на Непрядве...

И гнали тевтонов, как стадо гусей,
И радость царила в сердцах у людей,
 И неба сиянье...
А павших собрали в один светлый дом,
И сверху насыпали памятный холм...
 Другим в назиданье...

РУССКИЕ СФИНКСЫ

Над полем моим Бородинским
Победы со стел просияли,
Где пращуры насмерть стояли,
Трехгранным мерцая единством.

Славянские грозные лица,
От пращуров древние веды —
Предтечи грядущей Победы —
Спиною закрыта столица.

Загадочны русские сфинксы,
И нету пути Корсиканцу, —
Обратно домой не добраться,
Победы никак не добиться.

Но давится враг и томится
Загадками русского сфинкса.

ПЕРЕД НАСТУПЛЕНИЕМ

Царь на фронте
да с иконой
Приснодевы золочёной,
«Солдатушки-ребятушки» —
Нам во здравье
говорил.
Мушкетёры-гренадёры
Красноморды и матёры,
Батюшке-царю молились
Сколько было сил.

Конно царь,
в руках — икона,
Мы — коленопреклонённые,
Шапки — сняты,
сабли сбоку,
Будто дети пред отцом.
Свита царская на конях,
Лик суровый на иконе,
Да оклад её сияет
Золотым венцом.

Едет царь,
а сердце бьётся,
Душа грешная трясётся,
Мы за батюшку готовы
Сгинуть, за царя!
Все свои приложим силы,
Поведи нас в бой, Брусилов!
Царь на фронте
да с иконой!
Зрим её не зря!

НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ...

...Князья молились в лавре перед боем —
К архистратигам было их реченье...
Укрыла роща воинство земное,
И не придал Мамай дубам значенья.

— Дозорный, что там?
— Левый отступает,
Сторожевой разбит, Большой — махает,
Косожьи шапки перебороняют —
Повсюду только лисьи малахай...

Остатки наших гаснут, аки свечи...
— Теперь пора! Русь, оживай святая!..
Из рощи выплеснулась на ворожьи плечи
Не волчья ярость — сила неземная.

К славянским побеждающим заветам
Мы подошли с молитвой, с верой в Бога.
И Божья милость нам была ответом...
И легкою была домой дорога.

ЮНКЕРА

Михайловское училище —
Безусые юнкера...
Казармы темно чистилище —
Октябрьская пора.

Но бунта черны гадания —
Грядущее вмиг отнял:

Из пушек палит по зданию
Взбешенная солдатня.

Укрытые подоконником,
Усатые щеря рты,
Штабс-капитан с подполковником
Предупреждают посты:

«Хочется выжить, пожалуйста, —
Белый флаг, и сдавайся!
Только потом не жалуйтесь —
Красною будет власть.

Кровью дворянской умоетесь,
И не помогут вам
Ни Михайлово воинство,
И ни Всевышний Сам.

Адская сила за пушками —
Ратники Сатаны...
Тонет в пучине ужаса
Будущий цвет страны.

То ли еще молодечество —
В рост под огнем стоять?

Веру, царя и отечество
Их не учили менять!

МЕДВЕЖАТА

Ах, какими красивыми
Стыли они на плацу,
И чужими и сильными, —
Форма ребятам к лицу.

Откричали поротно,
И маршем упругим ушли
За кавказский хребет —
Окоем православной земли.

Их московские дяди
Послали: «Давайте, скорей...»
Не отдали ни пяди
Ни земли и ни чести своей.

И не надо прощенья,
Патронов бы горстку всего
И немного везенья,
Полчаса, ведь всего ничего.

Не вернулись обратно —
Блуждают в суровых горах,
Облаками надежды
Являясь родителям: «Ах!»

Злы обманы природные —
В морге мальчишки лежат, —
Узнавайте по родинкам,
Мамы, своих медвежат...

РУССКИЕ «ХИБАКУСИ»*

Отворилось под Припятью устье
В непроглядной и мертвенной мгле,
Расползлись по стране «хибакуси» —
По загаженной Бесом земле.

А на вид ведь совсем не уродцы,
Но горит генетический код,
Выживают они, как придется,
А на помощь никто не идет.

Возвращаются в отчие хаты:
— Ну и что же, что стронций пронзил?
Шебуршат под ногами цыплята —
Двухголовыми Бог наградил.

А колхозный скончался учетчик,
И молчат по деревне грачи,
И тревожно, под Гейгера счетчик,
Облученное сердце пищит.

* «Хибакуси» — (яп.) жертвы атомной бомбардировки.

ГОРЕ

«...видеть ягоды во сне — к слезам...»

Сонник

Приснился ей сон:
Полведра костяники
Собрала в тенистых лесах...
Простого мальчонку —
Во всем сербичонка
Свела торопливо в детсад...

Тугой рычажок
Репродуктора ловко
Крутнула,
А там говорят:
«...Упали и бомбы и боеголовки
На Приштину
И на Белград...»

Стенала, рыдала,
Припавши к иконам:
«Спаси, помоги, сохрани...»
Молчат чудотворные,
Вид непреклонен,
И плачут по братьям они...

Из цикла «ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА»

НАЧАЛО ВОЙНЫ

В июньский предвечерний тихий час, —
Мелькают кадры хроники подробны, —
Летят бомбардировщики на нас,
Ораве черной хищников подобны.

Зеленые околыши — юнцы
В окопчике прильнули к пулемету —
Ценою своих жизней погранцы
Солдатскую исполнили работу.

Горят хлеба, в растоптанной жаре
В сердца вползают беженцев колонны,
А залпы недобитых батарей
Стальные возрождают батальоны.

Траншеи роют женщины и рвы, —
Земля встает защитой родимой...
И в бой идут и святы, и правы
Бойцы и боги той — непобедимой...

ПОГРАНПОЛОСА

Шмеля ошалевшего веткой
Прогнать не спеши от виска...
Вот так же июньским рассветом
Гудели за Бугом войска.

Мальчишки из русской пехоты —
Винтовка да скатки рубец —
Хоть каждым четвертым из дотов,
Но все же «закрыли» рубеж.

Их били сноровисто, ходко
К Москве расчищая пути,
Из танков прямою наводкой
И увещевали уйти.

Задраены люки у дотов —
Не слышно посула врагов...
Сожгли пацанов огнеметы
Потомков арийских богов.

Никто к ним щекой не приникнет,
Пустынна погранполоса...
Не кровь на траве — земляника,
Не слезы на листьях — роса.

АЛЬПИНИСТЫ 42-ГО ГОДА

Их собрали, как пальцы в кулак:
Затаился прорвавшийся враг
Среди скал — безусловно искусен,
И германский штандарт на Эльбрусе.

Был недолог о том разговор.
Чисто вытерт винтовки затвор.
Цепью ломкой ушли меж горами,
Поквитаться за все с егерями.

Проходил мой недавний маршрут,
Где «одиннадцати» был приют,
Проводник рассказал не без грусти:
Эдельвейс* не цветет на Эльбрусе!

* «Эдельвейс» — название 1-й горнострелковой дивизии вермахта.

ПРЯМАЯ НАВОДКА

На центральном затишье —
врагам,
ну, конечно, не по душе, —
сотни страшных зверей
на рассвете
разинули глотку...
Вот их танки уютжат
проходы у наших траншей.
Значит, надо зенитки свои выводить
на прямую наводку!

А когда в Подмосковье
наш фронт был истыкан до дыр,
когда страшно смотреть
было вечером свежую сводку,
— По двойной нынче выпьем, —
спокойно сказал командир, —
Выводите, ребята, орудья свои
на прямую наводку!

И тогда мы посмотрим еще,
чья в итоге возьмет,
пусть и бруствера нет,
и от пуль не спасет обваловка,
пусть строчит по наводчику
вражеский пулемет,
но мы видим в прицелы врага —
вот, что значит
прямая наводка!

Отгремело то время,
отметилось эхом —
прошло.

Только часто опять
вспоминаю ту

горькую водку:
и уверен, когда на душе и в делах тяжело,
надо снова орудья свои выводить
на прямую наводку!

КОЛОКОЛА ХАТЫНИ

В черной форме эСэС,
Гогоча, вурдалаки
С двух сторон запалили
Огромным костром
Ту лесную,
Покорную страшной атаке,
Деревушку в двенадцать
Крестьянских дворов.

И взметнулся пожар,
И душа не остынет
От последнего танца
Соломенных стрех...
И полвека спустя
Дозвенел из Хатыни
До германского Бонна
Пожарища смех...

Там девчушка в кафе
Алой птицей летает:
Горделива, красива —
Славянская кровь...
А в глазах неуёмным
Огнем полыхает
Та деревня в двенадцать
Крестьянских дворов...

ТРИУМФ И ПОБЕДА

Была пара соловых

в большой генеральской конюшне:

Жеребец необуздан, кобылка — умна, будто мул,
И парады в Москве «вывозила» Победа послушно,
А Триумф при дворе свою гордую лямку «тянул».

И победный парад

наш Верховный решил самолично

На соловом Триумфе верхом принимать
И своим знатокам, а особо гостям заграничным,
То, что он Триумфатор еще ко всему — показать.

Семь недель жеребца под седлом по манежу гоняли,
Избивая кнутом за строптивость и бешеный зрак,
А потом доложили, что с этой упрямою швалью
Спецотряд МГБ не управится к сроку никак.

Жеребца застрелили, но выше отрапортовали,
Что послушен и смирен и верен парадный скакун,
И кобылку, почистив, серебряной сбруей убрали,
И — к подъезду парадному возле высоких трибун...

Вышел Вождь и Учитель весь в белом —

сияют погоны,

Подошел к «жеребцу» и по холке его потрепал,
Сапогом — в стремя и на спину лакею другому,
Сел в седло, и ...на грешную землю упал.

Это, став на дыбы, задрожала свечой кобылица:
Видно, кровью невинных до нитки пропитан Отец...

А парад принимал, как и это должно бы случиться,
Маршал Жуков. Триумф был его жеребец.

СЛАВЯНСКИЙ СИНДРОМ

Янычары на Косовом поле
Горячили усталых коней, —
Заливалось лихое застолье
Горькой пеной невольничьих дней...
Австро-Венгрия грохотом пушек
Усмиряла горячих славян,
И, спасая несчастных братушек,
Закипал мировой океан...

Нависают над Сербией тучи,
И пожарищ разносится смрад,
И пикируют круче и круче
Самолеты, несущие ад.

Княже, княже, пустые глазницы
Не закроются — нечем смотреть...
Две у Косова поля границы:
Неволя и смерть...

САТАНИНСКИЕ БАЛЫ

Ни конные набеги степняков,
пьянеющих от крови и кумыса,
ни сталь тевтонов,
плоть еретиков
секущая без вздоха сожаленья,
оратаям предлогом не служили
для жажды поиска виновных в горьких бедах,
для разжиганья злобности отмщенья.

Вендетта — «кровь за кровь»
и родовые распри
остались у южан — потомков римлян,
да у соседей их —
турок-сельджуков.
А сорок сороков иных племён,
ища защиту от уничтоженья,
чтоб жить могли спокойно их потомки,
пришли к России,
под крыло и руку.

Века прошли,
державная рука
обрушилась безвольно и устало.
Народовольцы очертили круг
под будущих святых,
взрывая бомбы.
Великая империя распалась,
как цепь на звенья —
новые вериги для мыслящих —
глухие катакомбы...

Попытки урезонить президента
разгромом Госсовета обернулись:
и танковые тявкили пушчонки
на окна государственного монстра...
Гордыне неуёмной потакая,
их президент направил дальше —
на чеченцев,
чтоб обеспечить нефти прохожденье
к моторам и хранилищам заморским.

В век развитой — сетей коммуникаций,
прогресса техники,
космических полетов...
быть не должно страстей средневековых.
Но бал зловещий правит Сатана,
внимая блеску крупных бриллиантов
и упиваясь кровью людскою,
дешевле ставшей
капли черной крови...

ДЕМОКРАТИЯ

...Иран и Туран — две большие страны воевали,
И берег залива был красен от черного горя,
И пенилась кровь кружевами густыми воланов,
И чайки кричали с небес о безумии моря.

Блистая броней, Сиявуш мчался вслед за Рустамом,
И воины Дария даль воевать уходили,
А волны темнели клинком окровавленной стали
И, берег целую, о милости Божьей просили...

На Индию эллины шли...А халифы Багдада,
Неверным грозя, катастрофы и не представляли:
На земли Турана вползут чужеземцев армады,
И жарко дохнут небеса изверженьями стали.

О, Персия, край одичавших от зноя поэтов!..
Нам персики пери уже не предложат, не ждите,
И пахарь не рад предстоящему жаркому лету,
Следит за полетами птицы в палящем зените.

И тысячу темных ночей промолчит Шахразада,
Внимая чужим голосам, будто плачу сурдинки...
Дворцы разрушая Белграда, Кабула, Багдада,
Идет по Земле демократия «толстой дубинки».

РОВЕСНИКИ ПОБЕД

Нынче грянуло ей шестьдесят,
Стала бабушкой мамка-Победа,
Но у правнуков очи блестят:
«Расскажи про Германию, деда!»

Он в пехоте служил рядовым,
Трижды ранен, имеет награды,
И домой возвратился живым
Под салютов цветных звездопады.

Про Берлин и горящий рейхстаг
Он расскажет, про мутную Шпрее,
Как в Тиргартене — оберст в крестах,
Немец, выскочил... Дед был быстрее...

Они слышали это уже,
Но — мальцы, а, гляди, понимают:
Дед на огненной снова меже, —
Молодеет, когда вспоминает...

И опять под рукой автомат,
Как на штрассе той — Унтер-ден-Линден, —
А в окне яркий девичий взгляд:
Ненависящий?
Робкий? —
Призывный...

Что меж ними там произошло? —
Никому не узнать, ну-тка, нишкни...
Только дед, воротившись в село,
Пятилетку гулял, не женившись.

Телевизором он раздобыл,
Двадцать лет уже было Победе, —
Про Берлин передачи смотрел
Неотрывно на зависть соседям.

Рвался съездить хоть раз в Трептов-парк!
А колхоз на кого же оставить?
Той весны неуёмный пожар
Жег его совестливую память.

А теперь лет уже шестьдесят
Пролетело. И сын ли, дочурка, —
Юной страсти святой результат,
Коли был, постарел, — вот докука!

Вихры гладит своих правнучат,
«Черноглазые... — молвит с тоскою, —
Шестьдесят, ты гляди, шестьдесят...» —
И качает седой головою.

А за окнами снова скворцы
Тараторят — пернатые веды,
И горят золотые венцы
На героях Великой Победы..

* * *

Над заставой богатырской
Легкокрылы облака —
До столицы путь неблизкий,
Так отчизна велика.

Не дрожат на порубежьи
Копья у богатырей —
Берегут страны безбрежной
Сны детей и матерей.

И крепки поковки русской
И шеломы и броня...
Отчего, скажите, грустно
Так на сердце у меня?

Оттого, что той границей
Разделяется родня,
И сердечные жар-птицы,
Шемаханские царицы,
Уж не смотрят на меня.

РАДУНИЦА

Предка-гвардейца семья не доплачется,
Память доныне жива:
Белые плиты застыли на кладбище
Сен-Женевьев-де-Буа.

Горечь усилена в тошной истерике:
«Что нам чужой Вашингтон,
Крытые звездами жертвы Америки,
Кладбище их — Арлингтон?»

Наши герои, камнями укрытые,
В недрах Кавказа лежат,
Голые, босые, незначительные...
Что ты смущаешься, брат?

Матери больно: грядущее прячется
В ивовый крест под горой...
Нет у России геройского кладбища,
Каждый живущий — герой!

КУПАЛЬСКИЕ ВЕНКИ

Венки плести с тобою на Купалу,
И по реке со свечками пускать,
И пальцы — полусогнуты устало,
Вздыхая отрешенно, целовать.

Сквозь пламя очищения на пару,
За руки взявшись, прыгать, и не раз,
Потом, утихомирясь, под гитару,
Вдохнуть отраду утомленных глаз.

Чтобы поздней прочувствовать: как мало
Мгновений счастья,
 здесь он — мой маршрут,
А те венки,
 что ты со мной сплетала,
Уже по морю синему плывут.

МИФОТВОРЧЕСТВО

Тугой на стенке лук не тронут,
Печальны слуги, и скулят собаки,
Ждала явившегося Пенелопа:
— Ну, где ты шлялся, милый Одиссей?

Мгновенно хитроумный царь Итаки,
Придумав про сирен и про Харибду,
Лишь умолчав о храбрых амазонках,
Ей стал свои легенды излагать.

— И чтоб к утру записано все было, —
Сказал он в назиданье Телемаху,
А Пенелопу — мужу надо верить —
В покои незакрытые увлек.

Но Телемах — нескромное создание —
Позвал певца незрячего Гомера,
И тот создал бессмертные поэмы
О том, как греки брали Илион.

Увы и ах, я так не хитроумен!
Но, Пенелопа, ты сама придумай
И расскажи попроще Телемаху,
Чем занят был в отсутствие отец.

ДЕВУШКА И ТРУБКА

Я в школе вечерней учился,
В монтажной работал бригаде,
Впервые серьезно влюбился
И трубку завел шутки ради.

И был я тогда не рассеян,
Держал свое верное слово,
Я с трубкою был, как Есенин,
А с девушкой, как Казанова...

А девушка песни любила
И блеск мишуры обожала,
Меня по концертам водила
И к трубке моей ревновала.

Я бросил курить. В самом деле
Зачем альвеолы тиранить?
И девушке враз надоело
Терпеть мою пылкость и странность.

А нынче: где нежные губки? —
Томится один Казанова,
И молвит над пеплом из трубки
Сергей свое горькое слово...

ТЕОРЕМА ПИФАГОРА

Когда по морю Средиземному триремы
Носились, веслами стуча, во весь опор,
Свои слагая постулаты в теоремы,
Жил математик всем известный Пифагор.

И на досуге он придумал треугольник,
В нем один угол обязательно прямой
С гипотенузой, знает нынче каждый школьник
Ее название, — самой длинной стороной.

А двум другим он имя дал простое — катет,
Нарисовал квадрат у каждой стороны,
И получились, посчитай, ума-то хватит,
Совсем простые «пифагоровы штаны».

Они равны..., но в ослепительном угаре
Он не молился всласть до белых облаков.
В знак благодарности богам решил изжарить
Сто молодых вполне упитанных быков.

На вертелах бифштексы сочные повисли,
Хватило мяса для рабов со всех трирем...
Но с той поры скоты простых не любят истин,
Штанов ковбойских и различных теорем.

СТАРООБРЯДЦЫ

Как победы ликующий знак —
 два перста!
Верность, правда и честь до конца —
 от Христа...
Знаю русские эти места —
 до креста,
Где лишь Бог и прообраз его —
 красота.

Где спокойно душе —
 расслабляется всласть,
А Москва далеко —
 оскопленная власть.
И светлицы светлы
 и удобны скиты —
Голубые у женщин глаза — так чисты!

Защитили леса их
и русский мороз
От стези иноверья
и царских угроз.
Загляделися храмы в озера-ставки,
И довериться можно пожарью руки.

Авакумов призыв
я стократ повторю,
Не склоню головы
и под милость царю,
Ведь устои мои,
яко вера, стары,
Я двуперстьем грожу сатане —
до поры!

* * *

Фетишизм — иностранное слово,
Поклоненье — надежней, добрей,
Обстоятельно и не сурово,
Предпочтительнее и мудрей.

Поклоняюсь пилотке и пряжке,
Да иконе — находке своей,
Домотканной отцовской рубашке
С ароматом кипчакских степей.

Пред тобою, красивою слишком,
Преклоняюсь, пред лоном твоим...
Пред бегущим навстречу сынишкой —
Все грядущее связано с ним.

Пред живую раскидистой веткой
Наклонюсь, манит пение птиц...
Поклоняюсь обычаям предков,
Перед Родиной — падаю ниц.

* * *

Балтикой названа белая
Светлая наша любовь,
Чайка — девчонка несмелая
Манит в простор голубой.

Влажною мягкою лапонькой
Машет сосна впереди, —
Яркой янтарною капелькой
Солнце горит на груди.

У побережья росистая
Тропка в лесу зелена.
Балтика — юность российская,
Как ты сейчас холодна!

* * *

Ты — красивая, ты — красивая!
Я с тобой неуклюжий такой...
Ты на крыльях любви унеси меня
В нежно-розовый непокой.

Над Сибирью, где зелень полощется,
Где болотная ржавчина — кровь,
Выше музыки и выше полчища
Ненасытившихся комаров.

И даруй, как тепло поостылому,
Одинокому в дебрях листу,
Свою зрелую и бесстыдную
Непростительную красоту.

* * *

Мы зависим от ласковых слов,
От тепла милых ветреных писем,
От веселых и пасмурных снов
Мы зависим, родная, зависим.

И от запаха нежных цветов,
От погожести раннего утра,
От пылающей розы ветров,
Уносящих грозу от Сургута.

И от солнечных майских лучей,
От подарков капризной погоды...
Все зависимо. В жизни моей
Ты одна независимо ходишь...

СКАЗКА

Отечество и отчество,
Листвы тревожный шелест
И гулкий топот табуна,
Далекого в ночи...
И те слова, что наклонясь,
Любимая прошепчет,
В них безграничная тоска,
Как песня отзвучит...

И неизбытность этих слов,
И губ волшебных ласка,
И сеть в реке ее волос,
Объятий нежный плен —
Во мне Отечество сбылось,
Как пушкинская сказка,
И нет прекраснее ее,
И нет иной взамен!

* * *

Ты прекрасная,
Если весна...
Вся в цветах
и нарядах подснежных,
Ты прекрасная,
как тишина,
в поцелуях
и ласках безбрежных.

Ты прекрасная,
если со мной
загораешься звездочкой ясной,
Ты прекрасна,
неяркой луной
освещаемая
и безопасна.

Никогда и ни в чем не солгу,
Ни в суде,
ни в крутящемся кресле:
И в мечтах,
и на ярком лугу
Ты прекрасна
без всякого «если» ...

Объятья детских рук,
 молочный чистый запах:
— Любимый мой, родной,
 не покидай меня!

Рассветы вновь зовут
 На Север и на Запад,
И снова кони ржут,
 и удила звенят.

Повозки и костры,
 находки и потери,
А дети подросли,
 как вдоль дорог трава,
Но в сердце сохранить
 мы все-таки сумели
Тепло их нежных рук
 и жаркие слова.

Законной чередой
 сменяет лето осень,
Набатный слышу звон
 я на закате дня, —
Меня издалека
 знакомый голос просит:
— Любимый мой, родной,
Не покидай меня!

Из цикла «ДУХОВНАЯ ЛИРИКА»

ИКОНА

Среди мусора,
меж атрибутов земного разврата
я икону Владимирской
Матери Божьей нашел.
Посмотрела в лицо Богородица
истинно свято
сквозь синтетику чувств
и любви окрыляющей шелк.

И повесил в прихожей,
и мир озарила икона —
я теперь на нее
перед выходом «в люди»
молюсь:
Утешает меня
её ласковый взгляд просветленный,
из далеких веков
прямо в душу летящая грусть.

Ежедневно прошу:
«Упаси от несчастий и скверны,
дай усталому сил,
а заблудшему — верную нить,
от врага упаси,
как Отчизну
от полчищ неверных,
ибо наг,
яко благ,
а детей ещё надо растить!»

Матери Марии

Сказкой рождественской ночь ворожила,
Месяц блестел, будто шлем...
Боже, когда это происходило? —
Дух освятил Вифлеем.

Ирода стража искала младенца,
Мчалась на черных конях,
Крестиком вышитое полотенце
Скрыло семью от огня.

Дома родного забыта картина,
Горны чужие поют,
Помнишь, Мария, давала чужбина
Кров и домашний уют?..

Матерь Мария, неужто обитель
Плача опять Вифлеем?
В каждом из нас да проснется Спаситель
Мир придержать на Земле!

2001г.

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Опять толпа кричит «Осанна!
Христос идет в Иерусалим!
Сограждане любого сана
Спешите повстречаться с Ним!»

Царь Иудеи... Сыну Божью
Зачем венец земной молвы?
И машут ветками тревожны,
Его приветствуя, волхвы.

А души грешные заблудших
В геенне огненной кипят...
Молитесь! Праведные души
Во кущи райские летят!

Цветы и пальмы осияны,
Но кровь из ран уже течет:
Толпа, провозгласив осанны,
Назавтра с радостью распнет...

Хитон и пальмовые ветви
Уже страданиями полны:
«Небесный Боже! Отче, где ты?
Сними с них часть земной вины —

Их угнетающую ношу,
Как моего распятья крест...
А я снесу его. Не сброшу
На почки вербные окрест».

ПАСХА

Скорлупки раскрасив багрово,
Молчи, Магдалина, молчи,
И жизнью воскресшею новой
Любуйся в безлунной ночи!

Пресветлые ангелы плавно
Подняв Иисуса с креста,
Овеяли Духа крылами
Жизнь Божьего сына — Христа.

Воссевши отца одесную,
Две тысячи терпит годов,
Ему представляя земную
И грешную жизнь городов.

Столы накрывай и налей им
Кагора! О, Боже, внимли
Заблудшим своим — разговоят
Щедротами русской земли!

Порадуют звонкостью песен
Округу до самых небес:
♦Христос Иисусе воскрес!♦ —
Воистину, Боже, воскрес!

ЯБЛОЧНЫЙ СПАС

Яблони пречистой изобилъе столу,
Яблочному Спасу посвященному,
скатертью крахмальною застеленному,
вазами хрустальными заставленному.

Девица пресветлая, взгляни же на меня,
вышитой рубахою украшенного,
вымытого чисто, загорелого,
к женскому вниманью непривычного.

Улыбнись же Спасу на ладони твоей,
щедрому теплом, нерукотворному...
Поцелуй румяное да в маковку,
и еще в уста мои горячие...

КРЕЩЕНИЕ В СУРГУТЕ

*«В течение четырех часов температура
выросла на 14 градусов с —32 до —18...»*

Из метеосводки 19 января 20'

Трещал мороз, притихли воробьи,
И леденели нижние рубашки —
Бежали к шубам брошенным своим
Босые православные «монашки».

Темнела прорубь посреди Оби
Крестом воды, открытой для купели,
Всевышний, ты мой город возлюби,
Чтоб снова песни в мире прозвенели!

Тепла, благословенна Божья длань,
Я чувствую ее на самом деле,
И вижу: там, где стыла «Иордань»,
Кресты на куполах помолодели.

Динь-дон, динь-дон — звенят колокола,
В купель я окунаюсь с головою,
Чтоб смыть грехи Пречистая смогла...

И воссияло Солнце над Землею.

ПЛАЧ В ХРАМЕ

«...Ну, куда от мужчин было деться,
Коли вишнею ранней цвела?
Я троих нерожденных младенцев
И надежду в себе извела.

Но счастливая — светлого князя
Повстречала — высок был порог —
Средь мужского единообразья
Протрубил его свадебный рог.

И сыночка ему я и дочку
Подарила — красивых детей.
В благодарность свечу на всенощной
Богородице ставлю своей.

Абалацкой — сибирскому люду
Нет заступницы ближе, родней,
А Иусу — двойную за чудо,
И вины во признание своей.

А иначе бы стала, как ветка
У смоковницы — драной, сухой,
Мне плевала в лицо малолетка
На изгибе судьбины лихой.

Я бы сникла подстилкою грязной...
Ты прости меня, Боже, прости,
За искания истины праздной
В неудачном начале пути.

За убийства младенцев невинных,
За гордыню и жажду любви, —
Пред Тобой гну колени и спину,
И целую иконы Твои!...»

Из цикла «ЗАПАХИ ДЕТСТВА»

ЗАПАХИ ДЕТСТВА

Каждый из нас получает в наследство
Добрые теплые запахи детства,
Ветер откуда-то их принесет —
Сердце прерывисто бьется и мрет.

Пахнет деревней в кувшине сметана,
Чай — самоваром, и речкою — ванна,
Пахнет грозой после стирки белье,
Дедушкой старое пахнет ружье.

Девочка шкафчик откроет и ахнет:
«Мамою ветхое платьице пахнет...»
Мальчик на полочке леску найдет
И об отце потихоньку взгрустнет.

Как бы хотелось назад возвратиться
В детство, где можно скакать и кружиться,
С мамой над увальнем-папой шутить,
С папой смеяться и рыбу ловить.

Годы уносятся — туч вереницы,
Запахов детства листаю страницы.
Жаль, что нельзя их надолго открыть —
Стянута крепко прошедшего нить.

ЗИМНЯЯ РУСЬ

Русь — это Лес и Степь,
Ели мохнатой ветвь,
Сказочный лунный свет,
лейся!

В чистый морозный хруст,
В яблочно спелый вкус,
В звонкий колесный пульс
рельсов.

В трепет нагих берез,
В тихий бескрайний плес —
Высверком ярких звезд
неба.

В яростные ключи
Льдинками отстучи,
Запахом из печи
хлеба.

Пусть унесет меня
Бег удалой коня
Вочи, светлее дня, —
к Ладе.

В русской природы ширь,
Сердце, спеши, спеши
В нежный ее души
кладезь.

КЕДР

Высокою качая головой, —
Он рядовым в зеленой страже служит —
На визг остервенелый зимней стужи
Махнет полой шинели боевой.

Он видел век, пронесшийся, как миг,
И на его глазах разъяли Землю,
С качалками в ряду стоит, не дремля,
Мой кряжистый уверенный старик.

К могучему звенящему стволу
Приникну я лицом разгоряченным:
«Прими меня поэтом и ученым,
Шершавыми губами поцелуй.

Не знавшего отцовского тепла
Согрей сукном обветренной шинели
И расскажи, какие отшумели
Над головой холодные ветра».

Слезу смолы — янтарный горький дар
Вкушу и от него восстану сильным,
Сочту отцовской лаской подзатыльник —
Упавшей шишки благодостный удар.

ТОПОЛЬ И БЕРЕЗКА

На высоком берегу
Над рекой сибирской
В полуденной неге
Тополь серебрится.

Веселится рядом
По-девичьи броска,
Шаловлива взглядом,
Белая березка.

Ластятся листвою —
Чувственная пара,
А в тени спокойно
Им поет гитара.

А когда прически
Зажигает осень,
В кроне у березки
Ярко светит проседь.

Шапкой золотою
Милой восхищенный,
Беспокоен тополь,
Молодой, зеленый.

И еще сильнее
Перешепот пары,
И еще звончее
Перебор гитары.

РЕЧКИ

Тихие речки
России печальной моей!
Что вам огромные волны
далеких морей?
Вам заменяет русалок
ночной хоровод
Крупные брызги
штормами вздымаемых вод.
Лилий цветущих
белы и туги паруса,
Яхонты блещут —
кувшинок рассветных роса.
Омуты тянут нырнуть —
их таинственна тьма,
Плеса просторные
сводят мальчишек с ума.

БЕРЕЗОНЬКА

Юная березонька
Меж подруг растет,
Берестою тоненька
Розово цветет.

Соком наливается
Молодая статья.
Вырастай, красавица,
Ветру не сломать!

Не рубите, соколы,
Просеки в лесу,
Не губите робкую
Девичью красу.

Упадет красавица,
Всхлипнет мох лесной,
И не будет радости
В песне ни одной.

Цепь случайностей русских,
а звенья «авось» да «небось»,
(И на Бога надеявшись,
сами-то не оплошали),
Вдруг замкнулась фонтаном,
вонзившимся в небо, как гвоздь,
И как перст,
утоливший сухие земные печали.

И узнала страна
про Урай, Самотлор и Надым,
Про Сургут и Тюмень,
позалитые золотом черным,
И Баку задрожал,
будто небо разверзлось над ним,
Конкурентом своим,
появившимся вдруг, удрученный.

Потекли по партийным
и прочим нечистым рукам
Ручейки и арыки,
и реки земного богатства,
Оставляя гроши
геофизикам, буровикам,
И основу распада
являя собой государства.

А фонтаны иссякли,
насосы в работу пошли,
И в швейцарские вены
от русских сердец убывая,
Все пульсирует в трубах
кровинушка нашей Земли,
И стоит над страной
заблудившаяся буровая.

ОБЪНЕФТЕГАЗГЕОЛОГИЯ

Если устану в дороге я,
Стану мудрей и добрей,
Обънефтегазгеология,
Душу мне делом согрей!

Чтобы я долго не мучился,
Все на рассвете кляня,
Ты отвези, чем получится,
К дальней бригаде меня.

Там задышу сразу ровно я, —
В орденоносную грудь —
Кочки Алехинской площади —
В мягкие носом уткнусь.

Желтой брезентовой робою
Нежно укутай меня,
Обнефтегазгеология, —
Радость и гордость моя!

1988 г.

ГЕОЛОГИ

Ах, экспедиции —
Горе-традиции...
Кончился наш камеральный сезон.
Партии стонами
Укомплектованы,
Слышишь, природа, ликующий звон?

— Кто на «пиропы»? —
Хожены тропы...
Кто на «вольфрам», на «титан», «молибден»?
Твой «поминальник»,
Звездный начальник,
Пусть нам зачтет предстоящий момент...

Ельничек редкий,
Дремлет разведка,
Ноги измучены, эх, ё-моё!...
Зла и бессовестна
Стадия поиска:
Деньги «добыче», а нам — комарьё!

Молча потужим,
Делу послужим...
Гордо последний обманемся раз...
Все дивиденды
С карты-легенды —
Вспомнят потомки романтиков — нас!

ГЕОЛОГИНЯ

До корки выгрызла арбуз —
Так обезвожена пустыней.
Молчит колодец Джаман-туз —
На стенках соль висит, как иней.

А на последнем рубеже
Стремишься выглядеть исправно:
Журнал разведочный уже
Заполнен описью канавной.

«Отбиты» выходы пластов,
Уточнены слои шурфами.
Сияет пламенно восток,
И мысли полетели к маме...

И будет премия. Потом...
«За доразведку Бурултаса»,
Но не о ней ты...
Сын Витольд...
Вот он толкнулся:
«Марш на трассу...»

ОТСТАВКА

Мы из геологии,
Как из детской обуви,
Выросли, оставили:
«Подбери, кто хошь!»
Девочки-коллекторши,
Те, кто жив, состарились
И внучат тетешкают:
«Только нас не трожь...»

Мы добычу множили,
Сами чем не пожили,
Думали, что вот ещё,
«И пойдёт сама...»
Но явились неучи
С ласковыми рожами,
По которым плакала
Местная тюрьма...

Новое оставили,
Планы все «поправили»
И решили: могут всё,
«Трубы, мол, трубят!»
И досрочно опытных
На покой отправили —
Нас, из геологии
Вышедших ребят.

СОЗИДАТЕЛИ

Светлейший князь Потемкин —
Огромный, одноглазый,
И смелый граф Суворов
На Кинбурнской косе
Сидят в большой палатке,
Сверкают перстней стразы,
Их белые мундиры
Еще во всей красе.

Позвали Де-Рибаса —
Бродягу-адмирала:
«Как хочешь, но блокируй
От цитадели флот...
Пускай паша турецкий
Несолоно хлебало
Вонючее закроет
И в Истамбул плывет...

А здесь построим город —
Отраду малороссов.
На Русском море будет
Одесса — русский порт...»
И было всё сурово
И чрезвычайно просто,
Но за три века очень
Уж измельчал народ...

СУХОПУТНЫЙ МОРЯК

Я осваивал новые улицы
В городах и поселках отстроенных,
Словно Шлиман над ними сутулился,
Над моими воскресшими Троями...

И деревьями скверы засаживал,
Под газоны тропу перекапывал,
И кострищ плодородною сажею
Дополнял солонцовую рапу я.

И тянула меня перемытая,
Штормовыми ветрами просолена
Даль, и странствий печаль неизбытая,
Ко скитаниям тяга бессонная.

Вновь надену тельняшечку рваную
И, поскольку душе моря хочется,
Пусть сургутская Мелик-Карамова
Надо мной парусами всполощется...

Из цикла «ЕДИНСТВЕННЫЙ ГОРОД»

ЕДИНСТВЕННЫЙ ГОРОД

Я стремился к нему
из далеких и южных морей,
И штурвалы вращал
океанских больших кораблей,
Большегрузных составов
с добром приводил поезда,
Самолетами «ТУ»
отовсюду тянулся сюда.

Здесь на вахте я трубы крутил,
ремонтировал ГРЭС,
Мне качалки кивали
с улыбкой: «Привет, КРС!»
Устремлял я огни буровых
моих в ночь-синеву,
Укрощая фонтаны
на скважинах НГДУ.

И тоску по любимым
гасил я в вине и друзьях:
Стали близкими мне Уренгой,
и Сортым, и Пыть-Ях.
Но уверен я:
в сильный мороз и пургу
Мою душу согреет
единственный город — Сургут!

Догорает закат.

Он, как ты, кучерявый и рыжий,
Среди белых подушек больших пуховых облаков,
И глаза синевы все темнее от ночи, я вижу:
Зацепился за мачту мерцающий праздничный ковш.

Ты по Мелик-Карамова к речке пройди, отдыхая,
И на храм погляди, его маковки так горячи...
Меж югорских болот колобродит моя буровая,
Ты ее по зарубкам на сердце своем отыщи...

ВETERAНЫ

Памяти Н.М.МОРОЗОВА

Зарастает память-степь бурьяном,
А на взгорках зелень ковылей...
Это нашей жизни ветераны
Шествуют по Родине своей.

Хохолки ковыльные пригладив,
Ордена и знаки пристегнув,
В мир идут в торжественном параде,
И — уходят гордо, не свернув...

В них еще живут сороковые,
Этой правды, юность, не страшись...
В тишине, пока они живые,
Расспросите их про нашу жизнь.

И они расскажут, как Салманов
Пил спиртягу с Юрием Эрвье,
Как под первым нефтяным фонтаном
Хохотали, сидя на траве...

Как горели вышки буровые,
И кронблки рушились на них...
В тишине, пока они живые,
Расскажите им о них самих.

ВИТЯЗЬ

Светлый витязь воду пьет
Из реки широкой —
То дружины Ермака
Воин одинокий.

На Дону Любаша — ой,
Очи проглядела.
— Атаман, давай домой, —
С ветром долетело.

По излучине реки,
По воде небыстрой
Проплывают казаки
Да с разбойным свистом.

Просмоленная ладья,
На корме — хоругви.
Не бояре и князья,
Братовья и други.

Две пищали наперёд,
Парус домотканый,
Запевала до высот
Разбудил урманы:

«Мы за Камень зря пришли:
Девки узкоглазы,
Здесь холодные ключи,
Недруги чумазы.

Что нам с бисером кафтан,
Яхонты-каменья,
Коли просит басурман
С нами замиренья?

Рыбой промышляют тут
Остяки, вогулы.
Пусть и наши поживут:
Васильки, Вакулы.♦

...И ладья вперед бежит
По реке сибирской...
Светлый витязь
 вдаль глядит
На простор
 Российский.

ПРОТОТИП

Он был ханом — Бардак,
На югорской земле знаменитым,
И селькупы дрожали —
Ясачные Пегой Орды,
Но поверил однажды
Пришедшим за Камень служивым —
Конкистадорам русским —
Носителям царской узды.

Он подумал: «Пустяк —
Эта рухлядь. В лесах и болотах
Комары их сожрут
И сибирский стремительный гнус...»
Но ошибся чужак —
Не дождался судьбы поворота:
Не оставил Сибири
Закованный в латы «урус».

А у хана везде беспорядок,
И тьму карауля,
Пальцы жирные хан
Вытирал о халата полу,
Рвал зубами седло
У зажаренной дикой косули,
Возлежал на ковре —
На заплеванном грязном полу.

И смиренно сносил
Отбирающим смело и ловко
Соболей и лисиц
И детей в счет долгов за ясак...
И осталась на память

О грешном река Бардаковка,
Да синоним у власти в России —
Извечный бардак.

*РУССКИЕ ПОЛЯНЫ**

Русские Поляны,
В бронзовые степи,
В недра Казахстана
Кой чужак занес
Русские узоры,
Песни вполупьяна,
И белесо-кварцевый
Над рекой откос?

Русские Поляны —
Окна в желтой пыли, —
Глазыньки избушек
Будто мусковит**,
И наряды женщин
В ярко русском стиле:
Цвет рябины красной
Каждый плат хранит.

И дробится солнце
В окнах — глянть, осколки...
И дробится сердце
Счастлив каждый раз:
Русские Поляны,
Белые березки,
Как сыновья стража,
Охраняют вас!

* Поселок на границы России и Казахстана.

** — светлая слюда (от названия — Москва).

ТАРКО-САЛЕ

Тарко-Сале — не Царское Село,
Туда сбегал я от забот и стрессов,
От совещаний разных и конгрессов,
Там выше крыш сугробы намело...
Тарко-Сале — не Царское Село.

Тарко-Сале — не Царское Село,
Недалеко до Обского залива,
Там смотрят женщины
призывно и тоскливо,
И небо хмурит низкое чело...
Тарко-Сале — не Царское Село.

От факелов тревожно и тепло,
Дрожат сиянья бахромою книзу,
И розоватым светится капризом
Уроненною чайкою перо...
Тарко-Сале — не Царское Село!

ПОСЕЛОК ФЕДОРОВСКИЙ

— Ты чей поселок?
— Федоровский я, —
Он отвечает, негою охвачен,
Насущные проблемы бытия
Усиливают местные задачи.

Сам Федоров с портрета подтвердит,
Что дух первопроходства не утрачен,
И «Комсомолки» благородный вид
Бурением и сейсмикой оплачен.

Виктор Петрович! В яростных пластах
Твой интеллект, как импульс электронный,
Поселком вырос в солнечных лучах,
Взметенных мыслию твоей бессонной.

Отсюда твоё имя на века
Не точкой, а людьми известно стало!
— Ты чей поселок?
— Федоровский я!
Таких фамилий на Руси немало!

* * *

Девушка с глазами
Изумленной лани —
Желтые опалы
Пали в синеву,
Слала мне записки
Через одноклассниц —
Место назначала randevu.

И была меж нами
Разница в два года, —
Я уже работал
И писал стихи...
И бодрила юных
Зимняя погода,
И коньки точили женихи...

Девушка с глазами
Изумленной лани,-
Сверстникам прыщавым
Полный форс-мажор,
Мне в углу укромном
Мягкими губами
Шепчет откровенья до сих пор.

И вскипает сердце,
Как электрочайник,
И душа романсы
Радостно поет...
Девушка с глазами
Изумленной лани
Снова на свидание зовет!

НОВЫЕ И СТАРЫЕ

Мы правили тексты уставов,
Сплетая словесную нить,
И снова твердили устало,
Кому и зачем говорить.

Дельцы зазубрили. Взлетели.
Исчезли в межзвёздной дали,
Размножились в радио, в теле...
И к истине не снизошли.

От них мы добра и не ждали.
За что же нам вёдра хулы?
Раз «новые» есть, мы — из «старых»,
Тянущих ярмо, как волю.

Пока они золото делят,
Мы ищем его для страны,
И верим, как добрая челядь,
Что кончится час Сатаны.

УБИТЫЕ ВОЛКИ

Морозный ветер краски будней смазал, —
Снежок ожег опавшее лицо.
Оскалив пасти в кузове «КАМаза», —
Лежали волки грудой мертвецов.

Кто? Как убил порочных этих братьев?
Инстинкты их — живым слепое зло...
Вот результат — холодность их объятий,
И шкур уж нет — совсем не повезло.

За тех зверей охотничьи хозяйства
Платили щедро, только убивай,
И в деле накопления богатства
Учитывалась волчья голова.

В ней вижу злобу холода лесного
На теплый хлев и крови жаркой вкус,
И логово — пристанище покоя...
Взгляни, приятель, ежели не трус.

Их стае одинокому попасться
Не дай, Господь, — костей не соберут,
А здесь, как псы, — окоченели братцы,
И холоден последний их приют.

Шарошек зубья и оскалы волчьи
Блестят в проемы грузовых бортов,
И каждый зуб отважен и отточен,
Вцепиться в пласт безжалостно готов.

Вот мне бы так, не мучаясь и сразу
Упасть от пуль злодеев-егерей...
«КАМаз» долота к нам привез на базу...
Но жалко мне загубленных зверей...

МЕСТЬ

«Подойди! — подзываю тебя совершенно неискренне.
Ты не бойся, не трону, я буду глядеть и молчать...»
Но глаза твои пышут, как средневековые выстрелы,
И две пули в меня по Евклиду
вполне параллельно летят.

Лобачевскому, кстати,
не зря школяром я доверился,
Траектории пуль пресеклись
и упали за грешной спиной,
Когда ты вдруг вздохнула:
«О, Боже, я слабая женщина...»,
И объятья сомкнули Везувий и Этна со мной.

Что в тебе я искал?
Жжет горчинка осадком от вермута,
И вода солона из колодцев кайсацкой Орды...
Я за всех мужиков,
тех, что родом девичьим отвергнуты,
Заявляю тебе, распаленной:
«Ну все, уходи...»

РУСАЛКИ

В беспечном Сургуте, на Черном Мысу,
Не прячут русалки девичью красу, —
Геологи нефть отыскали, и вот
Русалочий выводок там не живет...

Я долго искал их, заехал в Лянтор,
На Федоровку, как Амундсен, попер,
По речкам-ручьям Русскинским проплыл
И надпись прочел на стене: Когалым.

Там вышки стоят и гудит турбобур,
И леший сказал мне — заросший помбур:
«Ты зря объезжаешь район наш, ведь тут
Сестрицы мои уж давно не живут.

Ульт-Ягун, Быстринка — «Сургутнефтегаз»,
Где много девчонок, красивых как раз!
Ищи там русалок, игривостью глаз
В прозрачную глубь увлекающих вас...»

Я белый, как чайка, найму пароход,
Пускай по Оби он меня повезет
Туда, где русалок я встречу в лесу
На Белом Яру, на Высоком Мысу.

В траве их упругие бьются хвосты,
А груди, как горы, белы и круты...
И кружит русалочий нас хоровод
Вдоль синей Оби на янтарный восход...

Из цикла «БУЛЬВАР ПИСАТЕЛЕЙ»

БИБЛИОФИЛ

Сельские библиотеки
Есть в белорусских вёсках,
Милые там хозяйки,
И занавески чисты...
Мне разрешают рыться
На переполненных полках
В поисках смысла жизни,
В поисках красоты...

Вахту свою закончив,
Книжки беру подмышку,
Топаю в библиотеку,
В сельский уютный клуб,
Там ожидает Зося, —
Губы спелее вишен,
И, обнимая крепко,
Шепчет о том, что люб...

* * *

Мимо идешь, улыбаясь,
Солнышком озарена,
Пагубам не поддаваясь,
Трижды чужая жена.

Ярко-татарская внешность, —
Скулы и брови вразлет, —
Кровь ошарашенных предков
Следом безумно влечет.

Эх, изломать эти брови,
Болью уста изогнуть,
В темень бушующей крови,
Света струю окунуть.

За Святослава и Калку,
Вечного страха века,
За матерню и смекалку,
За упокой Ермака.

С тем, чтобы рядом, не мимо
Ты, покорённая, шла
И чтобы нашего сына
Поутру в школу вела...

ЮНОСТЬ КОМСОМОЛЬСКАЯ

А.П. ЗУБАРЕВУ

Я сижу на станции «Юность комсомольская»^{*}
В жаркий полдень солнечный,
В полдень выходной,
И душа прохладой и свободой полнится,
Что еще для праздника надо ей, родной?

С нею нестареющей мы навек условимся,
Не считать составами мчащие года,
И сюда на станцию «Юность комсомольская»
Возвратиться с песнею раз и навсегда.

Здесь улыбкой светлою все цветет любимая,
Пробежала доченька, скрылась за углом,
А сынишка маленький ржавою машиною
Все скрипит — катается под чужим окном.

Жду, что соберутся все, вот сейчас опомнятся,
На меня накинута, радостно браня...
Я сижу на станции «Юность комсомольская»,
А вагон мой фирменный ждет и ждет меня...

^{*} Железнодорожная станция между Тобольском и Сургутом.

РУССКАЯ ИЗБА

Вхожу сюда легко и детство вспоминаю,
И маму вижу там на фото и с отцом,
Улыбка в пол-лица — такая молодая,
И толстая коса над головой венцом.

Вот этим-то красна моя изба — углами,
Где фото чешуя, иконный полумрак,
Где пахнет молоком и теплыми блинами,
Где солнца блик грядёт: «Вставай, сынок, пора!»

А серый бромпортрет хранит лица живинки
В изгибе мягких губ, в сиянии милых глаз,
И свеж румянец щек, и ни одной морщинки,
И нет причины их — ведь нету еще нас...

Здесь нега и любовь от бабушки и деда,
И шашка на стене, за печкой — домовой,
Здесь празднична всегда удача и победа,
Невзгоды и печаль, как саблей, — с плеч долой.

В окошко, — надоел! — таращится подсолнух, —
Штурвалом желтизна лучистых лепестков...
И русская изба, преодолевая волны,
К любимым берегам меня уносит вновь...

БУЛЬВАР ПИСАТЕЛЕЙ

Там, где кони трясут разноцветными лентами,
И рисуют морозы узоры усатые,
Где и Чехов, и Пушкин, и, явственно, Лермонтов,
Есть заснеженный сквер на бульваре Писателей.

Я Мартынова вспомню из группы студенческой,
Про Полину с Виагрой добром передумаю,
Посчитаю твой взгляд провозвестником вечности
Из нахлынувшей мглы через улицу лунную.

Эх, бульвар-Боливар, до чего ты коротенький!
Мне пройти по тебе по-весеннему хочется,
Чтобы солнце светило с небес по-хорошему,
А снегов чистота возрожденьем закончилась.

Разноцветной стеной, рапортующей сводками,
Строен плотно Сургут, место сыщется всякому...
И сынище подросший знакомой походкою
Мне навстречу спешит по бульвару Писателей.

АВТОБУС

Не разъезжен, — браво, шведы!
Не разбит назло чертям, —
На работу, на обеды
Он развозит сургутян.

Вот меня везет с вокзала
На лазоревый восток,
Где, как блюдо, солнце встало,
Неизменное и в срок.

Симпатичная кондуктор, —
Ша, не надо «тра-ля-ля»,
Смотрит, губками надутю
Чуть спросонья шевеля.

Что-то в книжке быстро пишет,
Как челнок, рука снуёт,
И постельной негой дышит
Бюст над сумкою её.

Нежной прелестью распятый,
Никну гордой головой...
Эх, автобус сорок пятый,
Комфортабельный ты мой!

ДОРОГА ДОМОЙ

Мне ту дорогу
хаять не с руки,
и станций мало, —
не на что ругаться:
три поезда летят вперегонки
на Томск,
на Кемерово
и на Нижневартовск.

А за Тюменью —
к норду колея
и прямо,
ни о чем не беспокоясь,
через Тобольск,
Демьянку
и Пыть-Ях
один помчит
мой пассажирский поезд.

Туда, где мой вокзал,
где суета, —
таксисты вперебой,
осатанели!..
К геологам я,
где моя мечта
ждет в теплоте
распахнутой постели!

КОМСОМОЛЬСКИЙ ПРОСПЕКТ

Комсомольский проспект,
Чьи дома развеселой шеренгою
От речпортовских кранов
До Саймы зеленой стоят,
Где меж них я брожу,
Будто рыцарь бездомный Айвенго,
И моргает, как лошадь,
Задумчиво «Хонда» моя.

Я пройду вдоль «Москвы»
Мимо ярких витрин «Бонапартовых»,
Взором, чистым до слёз,
Я в порталы краны уткнусь
И представлю Сургут
Только точкой на контурной карте
Необъятных просторов
С названием пламенным — Русь.

В этой точке есть всё —
Нефтегаз и Газпром с «универами»,
Хочешь, «маг», хочешь «сити»,
А можешь, — вон, целый гектар...
И проспект Комсомольский
С друзьями-подругами верными,
И проспект Пролетарский,
И даже поэтов Бульвар.

Нету только тебя...
Ты умчалась, ветрами влекомая,
Будто леди Ровена
В закатный мерцающий свет.

Пусть напомним тебе
В старом Лондоне
Тучка знакомая
Этот чисто омытый
Дождем Комсомольский проспект.

* * *

Анжелике ДАВЫДОВОЙ

Анжели...
Ну, неужели,
Что ты там ни говори,
Эту статью не одолели
Страсти грешные Земли?
Видел я: всплеснув руками,
Не сдержала смеха пыл,
Когда я, ну, промеж нами,
Про издательства твердил...

Загляну в глаза печали,
Эх, куда те дни ушли?
И услышу: «Опоздали,
Деву в церковь отвели...
И без музыки венчали...»
Неужели?
Анжели...

ВАЛЮШКА АРТЕМЧУК

В пафосном шуме и гаме
Звуки мелодий тихи:
В тесной светёлке ногами
Девушка пишет стихи.

Ей не до слёз Мураками, —
Руки не держат стило, —
Клавиатуру ногами
Жмёт, улыбаясь светло.

Каждый нажим, как атака
Права любить и творить,
Девушка эта без страха
Учит нас верить и жить.

Сбросив свою оболочку,
Мысли взлетают легки —
Перелагаются в строчки,
В тропы и строфы,
В стихи...

Пусть несуразно и криво
Выглядят жесты — углом,
Муза истории — Клио
Машет над нею крылом.

Когда невмочь мне слушать вьюгу
И не помочь больному другу,
Когда не захочу я видеть
Родных, знакомых и гостей,
Возьму машину-трясогузку
И покачу на Профсоюзку:
«Налей, девчонка-несмеяна,
Бензина марки Петролстейт!»

Похожая на Мону Лизу,
Она посмотрит с укоризной:
«А почему я — Несмеяна?» —
И улыбнется, покраснев...
Запляшут снежные вершины,
По крышам заскользят лавины,
И впадин светлые долины
Поманят негой...
Как во сне...

Упала звезда, и вспорхнул мотылёк,
Мой старый товарищ у края прилёг.

«Зачем ты, куда ты? — кричат поезда, —
Над северным небом восходит звезда.»

«Пока она всходит, и я буду жив» —
Сказал уезжающий мой пассажир.

Я жестом ответил ему, будто мим:
«Не раз ещё вместе, мой друг, пошумим...»

Отчаянным взмахом и что было сил
К фрамуге комету я вмиг пригвоздил.

А счастье сидело
За партою слева,
Шутило, смеялось, играло,
Смотрело в глаза,-
И в такие моменты
Внутри всё на миг обмирало...

Но опыта нет, —
Мишурою пленилась,
Поземкой холодной вскружилась,
И мимо той парты
Скорее-скорее
Куда-то надолго забились...

Плясала, спешила,
Смеялась, грешила, —
Несчастной была и счастливой, —
Всё в прошлом осталось,
И в крохи размялось,
Как высохший лист чернослива...

ДЕНЬ ПОЭЗИИ

Среди глубин и трасс
Земного мироздания
Благословляю час
Заветного свидания.

И тех, кто позже нас,
Но близок алой ленточке,
Благословляю вас,
Студенты и студенточки.

И ту, что погрустит
По образу печальному,
И ту, что отомстит
Злодею изначальному,

Часы, что в новый день
Слагаются тетрадками,
И белую сирень
Над синими оградками.

Благословляю тень,
Что в знойный день пригрезится,
Благословляю день,
Который — для поэзии!

* * *

Ни словами, ни жестами
Не опишешь такой.
Ах, какая ты женщина!
Ты — костер над рекой!

Огонёк, загоревшийся
В неоглядной ночи, —
Ах, какая ты женщина,
Будто пламя свечи.

Спектром нежности разная,
Как узор на волне...
Ты — подарок предпраздничный
Удивленному мне!..

АРБУЗЫ

Несли две женщины арбуз.
Я вслед за ними, словно туз,
Не козырной, а так себе,
Была бы Муза!
Молодки обе хороши —
Блондинки для моей души,
У каждой кофточка вперед
На два арбуза.

Я постарался не отстать,
Арбузы все пересчитать,
Не получилось ничего,
Простите, братцы!
Но я повесил на окно
Кустодиево полотно,
Чтобы на нем моим глазам
Тренироваться!

Несут молодушки арбуз,
Но я за ними не тащусь,
И ничего у них теперь
Я не считаю!
Смотрю на них, как на трюмо.
Торчу, как палка в эскимо,
И, как мороженое,
Потихоньку
Таю!

ПЛАТЬЕ

Под ропот блестящего платья
Свои мы сомкнули объятия.
Оно, как соперник, мешало —
Вздыхало, скрипело, шуршало.

Кусая на ушке сережку,
Рукою нашел я застежку,
Рванул, как кольцо от запала,
И платье волною опало...

Любили друг друга мы долго,
Отдали все капельки долга.
В расшатанной узкой кровати
Ты вспомнила утром о платье.

Оно бездыханно лежало,
И выточками не дрожало.
Застежка была, как растяжка,
А рядом — допитая фляжка.

Теперь мы встречаемся реже,
О долге понятия те же.
Но если взгрустнется невольно,
То платье ворчит недовольно.

Содержание

<i>Из цикла «ПРОЛОГ»</i>	
Открытие	3
<i>Из цикла «РОДИНА»</i>	
Ипостаси	4
Триумфальные арки	5
Иртыш	6
«Седой угрюмый Павлодар...»	7
Братья	8
Ностальгия	9
Поле	11
Прибалтийский лес	12
Дожинки	13
Жемайтене	14
Таллинн	15
Вздыбленная страна	16
<i>Из цикла «ПРОЛИВЫ»</i>	
Проливы	20
Круиз	21
Море	22
Горькие итоги	23
Кортик	24
Походный барабан	25
Русские Колумбы	26
Последняя гибель «Варяга»	27
<i>Из цикла «БЕЛАЯ ОРДА»</i>	
Павлодар	28
Акмолинск	29
Экибастуз	30
Акын	31
Джасыбай	32
Баллада	32
Суюнчи	34
Павлодарская мечеть	35
Сонет	35
<i>Из цикла «ПАМЯТЬ»</i>	
Грюнвальд	36
Русские сфинксы	38
Перед наступлением	39
Русские царевны	40
На поле Куликовом... ..	41
Юнкера	41
Медвежата	43

Русские «хибакуси»	44
Горе	45
<i>Из цикла «ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА»</i>	
Начало войны	46
Погранполоса	47
Альпинисты 42-го года	48
Прямая наводка	49
Колокола Хатыни	51
Триумф и победа	52
Славянский синдром	53
Сатанинские балы	54
Демократия	56
Ровесники побед	57
<i>Из цикла «ВЗГЛЯДЫ»</i>	
«Над заставой богатырской...»	59
Радуница	60
Купальские венки	61
Мифотворчество	62
<i>Из цикла «ШКОЛА»</i>	
Девушка и трубка	63
Теорема Пифагора	64
Старообрядцы	65
<i>Из цикла «КРЫЛЬЯ ЛЮБВИ»</i>	
«Фетишизм — иностранное слово...»	66
«Балтикой названа белая...»	67
«Ты — красивая, ты — красивая...»	68
«Мы зависим от ласковых слов...»	69
Сказка	70
«Ты прекрасна...»	71
Зов	72
<i>Из цикла «ДУХОВНАЯ ЛИРИКА»</i>	
Икона	73
«Сказкой рождественской ночь ворожила...»	74
Вербное воскресенье	75
Пасха	76
Яблочный спас	77
Крещение в Сургуте	78
Плач в храме	79
<i>Из цикла «ЗАПАХИ ДЕТСТВА»</i>	
Запахи детства	80
Зимняя Русь	81
Кедр	82
Тополь и березка	83
Речки	84
Березонька	85

Из цикла «ПЕРВОПРОХОДЦЫ»

Заблудившаяся буровая	86
Обънефтегазгеология	88
Кочки Алехинской площади —	88
В мягкие носом уткнулся.	88
Геологи	89
Геология	90
Отставка	91
Созидатели	92
Сухопутный моряк	93

Из цикла «ЕДИНСТВЕННЫЙ ГОРОД»

Единственный город	94
•Догорает закат...•	95
Ветераны	96
Витязь	97
Прототип	99
Русские поляны	100
Тарко-Сале	101
Посёлок Федоровский	102
•Девушка с глазами...•	103
Новые и старые	104
Убитые волки	105
Месть	106
Русалки	107

Из цикла «БУЛЬВАР ПИСАТЕЛЕЙ»

Библиофил	108
•Мимо идешь, улыбаясь...•	109
Юность комсомольская	110
Русская изба	111
Бульвар писателей	112
Автобус	113
Дорога домой	114
Комсомольский проспект	115
•Ангели...•	116
Валюшка Артемчук	117
•Когда невмочь мне слушать вьюгу...•	118
•Упала звезда, и вспорхнул мотылёк...•	119
•А счастье сидело...•	120
День поэзии	121
•Ни словами, ни жестами...•	122

Из цикла «УЛЫБКИ»

Арбузы	123
Платье	124

ЕШИМОВ
Георгий Карожанович

ОБИТЕЛЬ ДУШИ

Избранные стихотворения

Редактор Л. Ханбеков
Корректор В. Ананина
Техредактор А. Поляков

Сдано в набор 19 июля 2006 г.
Подписано в печать 17 августа 2006 г.
Формат 70х100 1/32. Объем 4 п.л.
Тираж 500 экз.
Бумага офсетная.

Издатель — Независимое литературное агентство
«Московский Парнас»
123995, М., Поварская ул., 52, оф. 23,
тел. 291-63-41

**Центральная
городская
библиотека
г. Сургут**

9000439935

